

На родине Есенина в канун его столетия

Сов. Россия. - 1995. - 30 сен. - с. 8

Виктор КОЖЕМЯКО

У поэтов свой закон

В который раз (Боже, вот счастье!) стою на этом крутом косогоре над Окой, и дух захватывает от необыкновенного, неохватного простора, распахнувшегося, кажется, бесконечности, от чистейшей синевы неба вокруг — "только синь сосет глаза", из залитых золотом сибирских солнцем, но все еще ярко-зеленых заречных лугов, слегка отороченных темнеющей кромкой леса у самого горизонта.

Край любимый! Сердцу снятся скирды солица в водах лонных. Я хотел бы затеряться в зеленых твоих стезоземных.

Это Константиново, родное его село.

Обычное русское село.

Солженицын, побывав тут, подчеркнул в своей "крохотке" будничность и даже убогость деревенского вида. Понятно, чтобы сильнее — по контрасту — затем произвучало: "Какой слиток таланта метнул Творец сюда"...

Талант, нашедшего "столько материала для красоты... которую тысячу лет топчут и не замечают".

Нет, все-таки сперва Творец создал дивную эту красоту, которая поднимала к небу есенинский юный талант!

С высоты воспетого уже многими и многими окского круга любимым ширью рязанских разводий, перед которыми мерк для поэта даже экзотический Шираз. Мой давний друг Игорь Гаврилов, исколесивший юг и попрек всю Оку, утверждает: такого изумительно-го вида не открывается больше ни в одном месте большей реки.

А зам. директора есенинского музея-заповедника по науке Константина Петровича Воронцов по-научному объясняет, что причина этого, каждый раз потрясающего, впечатления — в необычном освещении: солнце здесь всегда сидит, никогда не бьет в глаза, создает мягкую и тонкую подсветку пейзажа.

Может быть, может быть...

Но при всем том объясняет магическое волшебство природы столь же трудно, как объяснить волшебство истинной поэзии.

Бесчисленные Сальери, разъявляющие музыку есенинского стиха, как труп, в попытках доказать, что он и "монахонен", и "примитивен", и "безвкусен", и "бледен", и "близок к пошлости", и "алкоголически неряшлив" и неправлен в стиле, а рифмы его "часто неуклюжи и немузыкальны", — все эти претендующие на профессионализм "исследователи" ничего не доказали. И повторяется ими с досадой вопрос: "Чем же объясняется чудовищная популярность Есенина?" — ответы получают у них просто нецензурные.

Все пытаются убедить себя и других, что есенинская популярность "незаконна".

Однако у Гения, как и у Природы, — свои законы.

Соседка Есенина

Наверное, каждый приезжающий в Константиново хотят бы мысленно интересуется: есть ли здесь кто-нибудь, кто еще помнит живого Есенина?

Елена Васильевна Воробьевая.

Я счастлив, что Владимир Исаевич Астахов, первый и бессменный в течение тридцати лет директор есенинского музея /только минувшей весной оформлен на пенсию/, сказал мне о ней и даже сам к ней повернулся.

Она от замужества жила по соседству с Есениными, через два дома. А теперь, когда домов этих уже нет, — и вовсе соседи. Такие же, как у Есениных, смотрят на улицу три окошка — это было почти у всех в селе, такие же ведут в избу невысокие ступеньки.

Елена Васильевна завтракает с дочерьми. И они-то обеж совсем не молоды, а ей 3 июня исполнилось 90 — всего на десять лет моложе знаменитого своего земляка. Но бодрая, улыбающаяся, опрятная, на мой повышенно громкий голос смеется: "Слыши пока хорошо!"

Узнав, что хочу поговорить о Есенине, поднимается из-за тесного стола в занавешенной кухонке и предлагает перейти на террасу, где просторно и от утреннего яркого солнца по-праздничному светло, а за широкими стеклами "горит костер рябин красной". Потребовала, видно, душу моей собеседницы эти яркости и свет из предвспоминаний о поэте.

Она таким его и запомнила — светлым, праздничным. Когда приехал летом 1924-го на свадьбу своего двоюродного

брата. Зашел к нему ряженый, по деревенскому свадебному обычаю, — в цветастом, под цыганку, платье и расписном закричал свекрови:

— Тетя Фея, хороша брышина-то?

— Сережа, да это ты? Не узнала.

— На свадьбу иду. А это что же у вас за красавица? — обратился в сторону девятнадцатилетней Лены.

— Митина жена.

— Ого, какую отхватил! — восторгнулся он и шутливо дернул Лену за нос. — Где же выскакало Митяшка эдакую писанку?

— Да в Федякине, где еще.

— Ничего себе! Я полюбила

брата. Такой человек рождается раз в сто лет, — сказала о своем земляке Елена Васильевна Воробьевая.

Я неторопливо шел по сельской улице и думал: да, вот здесь сто лет назад он родился. А потом написал:

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда, Слишком были такими недавними Отзвучавшие в сумраке года.

Отзвучали годы, ушли, все дальше уходят. И тем более бесценно сбережение Памяти того, кто столь дорог нашему сердцу. Памяти в слове и музыке, в красках и в предметах самых бытовых.

Я стою перед тем низким до-

вернем, дощечка. Самодельная, из фанеры. Установили ее по решению сельсовета, председателем которого был тогда Иван Федорович Колпакин. А инициатором благородного и смелого по тому времени дела стал горячий любитель поэзии Есенина — зам. редактора той же районной газеты "Ленинское знамя" Георгий Иванович Шишкин. За что и склонялся строгий выговор на блюре обкома, чуть не вышел из партии.

Низкий поклон вам, Георгий Иванович и Иван Федорович!

Путь к музею, открывшемуся после того еще более чем через десять лет, в 1965-м, был сложен и тернист. Может, больше других сделал в борьбе

в сентябре 1956-го. И первый вопрос: "Какая память есть о Есенине?" Тогда в здании этом было СПТУ, а о поэте напоминала только небольшая выставка, открытая к 60-летию со дня его рождения. Теперь же я иду — благоговейно! — по восстановленным комнатах, где были обжитые учениками, учителями квартиры, рекреационный зал, сижу за партой в классе — совсем такой же партой, за которой сидел юный Сергей. Все это на правах отдела константиновского музея, но фактически тоже целый музей! И я волнаюсь, слушая взволнованное повествование старшего научного сотрудника Татьяны Боровой, для которой здесь — вся ее жизнь...

Поставили — и все-таки правильно сделали. Думаю, в конце концов не был бы Сергей Александрович в обиде.

А вот другого памятника — на центральной площади, которую он украшал и к которому так привык я за годы своей ря-

творчества вдохновенного певца России.

Праздник удался, почему и потому золотой осени немало споспешествовал.

Конечно же, пошел я к памятнику Есенина, который смотрит с набережной Трубежа в заливные луга и открытие которого стало в свое время, помимо, таким событием для всех нас. Хотя и просил поэт, не то в шутку, не то всерьез: "Не ставьте памятники в Рязани!"

Поставили — и все-таки другие, есенинские строки Рюмин и иже с ним признались не намерены. Сбросили с парохода современности. Отменили, так сказать.

Но Есенин остался каким был! В целости и неделимости, в искренности и приторечности, в той сложности, которая, собственно, и есть Есенин.

Вот и наша история — тоже. Попробуй выбрось Ленина из нее. Не получится! Как не получилось в свое время выбросить из истории и литературы Есенина.

Памятник Ленину работы советского скульптора Манизера и памятник Есенину советского же скульптора Кильбякова стояли в одном городе, одиличестворяя целую эру в истории страны. Советскую эру.

Теперь, в праздничные для Рязани дни, гуляя по городу, я на каждом шагу сталкивалась с назойливой и в чем-то символично звучащей рекламой: "Dandy. Новая реальность".

"Dandy" — это потому, что для каждого русского слова в России уже устарели. Или вышли из моды. Но в чем еще она, новая эта реальность? В краснокирпичных — огромных и беззубых — хоромах, которые спешат вдвигнуть для себя по тихим заповедным переулкам вокруг рязанского центра лидеры "демократов", ставшие новой властью и новыми богачами?

Такой же, в псевдомавританском даже стиле, дворец "нового русского" вырос и почти у въезда в есенинское Константиново, искажал и уродил исконно русский пейзаж. Чем же лучше той трубы котельной, которая была возведена когда-то рядом с домом Каппана?

Богатые люди — богаты живут и творят, что хотят! Но...

Как не вспомнить одно из характерных писем юного Есенина, относящееся к дооктябрьскому поре: "Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где упора не слышны стоны".

Увы, нынче они слишком сильны. Всюду и по-всякому. Даже если безмолвны.

Меня, скажем, да и не только меня, до боли сердечной огорчили цифры, показывающие, как падает в годы "реформ" посещаемость есенинского музея-заповедника. Если раньше, много лет подряд, показатель этот ежегодный устойчиво превышал 400 тысяч, достигнув в 1988-м без малого 445-тысячной отметки, то в 1991-м резко упал — до 254 418, а в 1992-м — аж до 72 743.

Правда, с приближением юбилея цифра стала несколько подрастать: любовь-то к Есенину в народе не убавилась! Но — жизнь угнетает. Не культуры уже многим, не до путешествий.

Что сказал бы он, Есенин, о резком разделении нашего общества вновь на очень богатых и очень бедных? Величайший лирик не закрыл ведь глаза на разрыв жизни вокруг, остро реагировал на несправедливость в любых проявлениях. С кем был бы душой сегодня?

Но любили мы

Продажных торговцев.

Неужели теперь побоялся

бы? Сомневаюсь.

У них жилища есть, У них есть хлеб, Они с молитвами И благословны и сильны.

Но есть на этой Горестной земле, Что всем добрыми И злыми позабыты.

Пожалуй, нынче, глянув на контрасты "новой реальности", увидев, в какое горе, нищету, бездумную отчаянную брошечку.

"Конечно, мне и Ленин не икона", — прямо говорил поэт. И, конечно, в чем-то мог сказать о себе самом такими словами: "Жалко им, что Октябрь суровый обманул их в своей пурге"...

Но "Капитан земли" — это о Ленине! "Я счастлив тем, что сумрачной порой одни чувствами я с ним дышал и жил". Счастлив... Одними чувствами... Разве не ясно сказано?

"И говорю за праздничным вином: хвала и слава рулему!" — тоже о нем. А "Солнце-Ленин" — это что, в контексте развеiron? А "Он — вы", тихо сказанные лирическим героям крестьянам в "Анне Снегиной", неужто и вправду

сказано потому, что поэт был самого скверного мнения о крестьянах в тот момент? Ох, до чего же тенденциозно, до чего неубедительно...

Я вижу все И ясно понимаю, Что зра новая — Не фунт изуму вам, Что имя Ленина Шумит, как ветр, по краю, Давая мыслам ход, Как мельничным крыльям.

Видно, эти, как и многие другие, есенинские строки Рюмин и иже с ним признаются не намерены. Сбросили с парохода современности. Отменили, так сказать.

Но Есенин остается каким был! В целости и неделимости, в искренности и приторечности, в той сложности, которая, собственно, и есть Есенин.

Вот и наша история — тоже. Попробуй выбрось Ленина из нее. Не получится! Как не получилось в свое время выбросить из истории и литературы Есенина.

Памятник Ленину работы советского скульптора Манизера — это скверное мнение о краснокирпичных — огромных и беззубых — хоромах, которые спешат вдвигнуть для себя по тихим заповедным переулкам вокруг рязанского центра лидерами "демократов", ставшие новой властью и новыми богачами?

А вот Корнеев Евгений Федорович — инженер из села Пушки: "Снова оказались мы, Пушки, на большой дороге. Покон не знает от них...

...Таких теперь тысячи стало Творить на свободе гнусь".

Вряд ли стоит ожидать, — говорится далее в этой исповеди, — что такая власть всерьез может востребовать есенинскую Русь — чистую, светлую, нежную. Чувство Родины этим людям чуждо. Раболепство перед Западом, отдав русскую страну на разграбление, они пытаются получить поддержку народа иллюзорными обещаниями капиталистического рая. Но отвертеть им лучше всего можно прекрасными словами Есенина:

Если крикнет рать святая: Киль ты Русь, живи в раю! Я скажу: "Не надо рага, Дайте родину мою".

Да, горькие, но в существе своем не безысходные признания пришли ко мне от есенинских земляков. Главный смысл: несмотря ни на что, Русь есенинская жила, живет и будет жить!

А заодно это? В богатстве и несокрушимости народной русской души, которую с такой трепетной силой выразил он, Сергей Есенин.

Один только штрих. Всем известно, какой проблемой стало нынче издание хороших современных стихов. Дикий рынок уничтожает истинную поэзию. Но душа народная, которая не может жить без песни, сопротивляется!

И в Рязани, где сам воздух пропитан Есенинским и где стихи, кажется, пишет каждый, вопреки всему продолжают и продолжают выходить интересные поэтические книжки.

В том числе посвященные еще живому земляку. Понятно, когда такую книжку выпускает, скажем, руководитель здешней писательской организации Анатолий Соланкин. Но не только же он. Вышла проникновенная поэма "Сергей Есенин", принадлежащая перу лесника-старика Дмитрия Минаевича Гиряева. Издан /правда же, редкий для всех времен/ сборник стихов рязанских школьников "Есенинские березки" — удивительно талантливый, представившийся детским творчеством от первоклашок до выпускников. Из одного лишь класса школы № 51, где работает неизузданный преподаватель словесности и тонкий воспитатель Елизавета Иринаровна Макарова, — двенадцать юных поэтов...

Что говорить, Есенин стал для нас в эту трудную годину как бы духохудьемным стилем, опираясь на который, наде